

Библиотека пионера

Г-14
Р 33962

АРКАДИЙ ГАЙДАР

**КОМЕНДАНТ
снежной
КРЕПОСТИ**

Фейтлиз · 1945

АРКАДИЙ ГАЙДАР

КОМЕНДАНТ
СНЕЖНОЙ
КРЕПОСТИ

*Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград*

Рисунки И. Брюлина

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Е. Бобрышева.*

Подписано к печати 22/IX 1944 г. 3 печ. л. (2,89 уч.-изд. л.). 39 900 зн. в печ. л. Тираж 30 000 экз. Л83071.

Заказ № 5775. Цена 3 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суцевский вал, 49.

ЧИТАТЕЛЯМ

В 1940 году, закончив повесть «Тимур и его команда», Аркадий Петрович Гайдар сразу же приступил к работе над повестью «Комендант снежной крепости», которая должна была служить продолжением «Тимура». Гайдар намеревался сначала написать киносценарий, затем на основе его закончить повесть. Война помешала писателю полностью это осуществить: был написан только сценарий «Комендант снежной крепости», работа над повестью приостановилась. В 1941 году Аркадий Петрович уехал на фронт, где погиб смертью храбрых.

«Комендант снежной крепости» — увлекательная киноповесть, которую с большим интересом прочтут наши читатели. В ней мы встречаемся с нашими старыми друзьями —

Тимуром и Женей, знакомимся с новыми героями — Сашей Максимовым, его отцом капитаном Максимовым, шофером Колей Башмаковым.

Отдельным изданием «Комендант снежной крепости» выходит впервые.

Над стройной снежной крепостью с фортами, зубчатыми стенами и башнями развеивается флаг — звезда с лучами. У открытых ворот выстроился крепостной гарнизон.

Из ворот выходит Тимур — комендант снежной крепости. Он оборачивается к Коле Колокольчикову и твердо говорит:

— С сегодняшнего числа часовые у кре-

пости будут сменяться через час, днем и ночью.

— Но... если которых дома не пустят?

— Мы подберем таких, которых всегда пустят.

В штабе военной части у дверей стоит шофер Николай Башмаков.

Капитан артиллерии Максимов кладет телефонную трубку. Встает, одергивает ремни. Шофер четко поворачивается. Но тут раздается телефонный звонок, и дежурный оставливает капитана:

— Товарищ капитан, вас просят.

Капитан слушает, а потом говорит в трубку:

— Итак, вы опять отступили? Печально... Товарищ командир дивизии, вы генерал, я же только капитан. Но я осмелюсь напомнить, что неоднократно предупреждал: дисциплина в ваших войсках хромает на обе ноги...

Дежурный в недоумении смотрит на капитана. Тот продолжает:

— Ваши подразделения лезут по сугробам без лыж, надеясь сокрушить противника только гиком, криком и диким завыванием. Кроме того, вы штурмуете крепость без

— Часовые будут сменяться через час...

плана, без подготовки, кулаками, штыками и саблями, и, конечно, противник бьет вас самой новейшей техникой. Генерал, я высоко ценю ваше личное мужество и вашу храбрость, но одного этого в современной войне для победы — увы! — никак недостаточно... Прошу извинить за прямоту... Через час я буду.

Капитан кладет трубку.

Кладет у себя дома телефонную трубку и сын капитана Максимова Саша. Он берет сигнальный горн. Перед Сашей на покрытом узорной клеенкой столе строй оловянных солдатиков.

Раздается резкий сигнал жестяной трубы. Саша трубит. Внезапно он закашлялся, схватился за грудь. Нянька торопливо передает ему платок.

В темное стекло окна глухо ударяет снежок. Нянька и Сашина сестра Женя разом оборачиваются. Саша, отбросив платок, кидается к окну. Еще удар.

— Это что же такое? — негодует нянька. — Я пойду позову дворника... Отойди от окна, Саша.

Распахивается дверь, и показывается маленькая растрепанная фигура запыхавшегося Вовки:

— Ого-го! Мы дрались, как львы, как тигры... Саша, ты слышал, как мы «ура» кричали?

Нянька вскакивает:

— Вовка, ты с ума сошел! Скинь пальто! Саша болен, и у него температура...

— Ты не лев и не тигр, ты просто ушастый кролик, — хладнокровно замечает Вовке Женья.

— Домашняя кошка! Я вчера был ранен дважды, а сегодня четырежды! Да знаешь ли ты, что мы подступили к самым стенам крепости?

— Мне не важно, как вы подступили, — гневно перебивает Вовку Саша, — мне важно, почему вы отступили!

— Кто? Мы отступили? — возмущается Вовка и тут же меняет тон. — Ну конечно, отступили... Мы пошли в атаку без лыж. Сугробы по пояс... А этот комендант ночью протянул под снегом проволоку.

— Проволоку?!

— Да, проволоку. А она цепляет за штаны и за валенки... Но берегись! Сегодня ночью мы с Юркой проберемся к ним в крепость!

— Ты?.. В крепость? — насмешливо говорит Женя. — Жил-был у бабушки серенький кролик...

— Я кролик? Я... орел! Улетаю! — кричит Вовка и, взмахнув руками, убегает.

Снова ударяют в окно два снежка, и Женя говорит Саше:

— Пришел чужой мальчик. Привел отряд. Построил у вас под боком крепость... И вы не можете взять ее две недели!

Из двери в соседнюю комнату выглядывает Нина, студентка, соседка:

— Саша, ты с отцом говорил по телефону?

— С папой. Он скоро придет... Он тебе нужен, Нина?

— Он мне всегда нужен. А сейчас я хочу показать ему свою работу.

Нина входит в комнату, вносит картину и ставит ее на стол, прислонив к стене. Саша кашляет. Нина говорит ему:

— Отойди от окна, слышишь?

Саша нехотя отходит. Нянька обижена:

— Я просила — он стоял, а как она сказала — пошел... Я тебе кто, нянька? А она человек посторонний... соседка...

— Анна Егоровна, вы скажите это при Степане, — добродушно улыбается Нина.

— И скажу. Это для тебя он капитан, а я его вынянчила, и для меня он мальчик...

— И для меня мальчик, — перебивает Нина. — Особенно когда он так: губы вниз, брови вверх... Нянечка, на кого похож Степан Петрович?

— На мать, — смягчаясь, отвечает нянька. — Мать у него была из Рязани, спокойная, работающая... И отец ничего был, да суров по старинке...

— Раз на мать — примета, счастливая. Я, нянечка, тоже работающая... Рязанская, деревенская, песни знаю, плясать умею...

— Ну, пошла-поехала... Ты на свое поворачивай... У каждого командира должна быть жена, у детей командира — мать. Я три года Степану говорила, что ему нужно жениться. Так нет! И кого ждал? — Она смотрит Нине в глаза и говорит с иронией: — Уж не тебя ли?

Нина предостерегающе косит глазами в сторону детей.

— Ты мне не мигай, я твои мысли вижу. А они, — нянька кивает на детей, — в этом деле еще ничего не понимают.

Женя говорит, не отрываясь от тетрадки:

— Мы, нянечка, все понимаем. Правда, Саша?

— Мне твои слова неинтересны. Я командир дивизии, — отвечает Саша.

Входит капитан Максимов. Он идет прямо к сыну и, положив руку на его лоб, спрашивает:

— Доктор уже был?

— Сейчас будет, — отвечает нянька.

Максимов чем-то взволнован. Он подошел к Нине и тихо сказал ей:

— Нина...

Но, заметив пристальный взгляд няньки, запнулся и посмотрел на картину. На картине нарисованы люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным вершинам.

— Это называется «Дорога к коммунизму»? — спрашивает Максимов.

Нина молча кивает головой и настороженно слушает, что скажет он дальше.

Максимов показывает на картину:

— Этот трактор туда идет тоже? Он не дойдет: мал бензиновый бак и велики ведущие шестеренки.

Нина вспыхивает:

— Тебе не нравится? Ну конечно, тебе бы впереди этих людей пустить разведку. По бокам сторожевое охранение. Вот сюда посадить артиллерийского наблюдателя... Странно, Степан... Это же... аллегория, фантазия...

Максимов, улыбаясь, показывает на свои артиллерийские петлицы:

— Не знаю. Очевидно, моя артиллерия твою аллегорию не понимает... Это беспечные люди возвращаются с пикника домой. — Он видит ее взволнованное лицо и успокаивающе, дружески продолжает: — Девочка, не сердись... Но таких дорог к коммунизму не бывает.

Он заглядывает ей в лицо, но Нина, отступая и широко открыв глаза, спрашивает:

— Ты... ты тоже сказал, что я девочка?

— Конечно, девчонка, — не отрываясь от шитья, хладнокровно говорит нянька. — Он командир, капитан. Их дело военное. И куда какая дорога идет, он лучше знает. На это у них план... карты. А ты: коммунизм, коммунизм... А в голове, поди-ка, один ветер.

— Няня! — укоризненно останавливает старуху Максимов.

Женя дипломатично вмешивается:

— Папа, скоро каникулы, и мы устроим у нас веселую елку.

— Очень жаль, что меня на этой елке не будет. Через час-полтора я уезжаю в далекую командировку.

На лице Нины испуг. Лицо няньки насто-рожено. Женя растеряна. А Саша, прямо

умеет. И я пришел предложить тебе перемирие.

Закрыв глаза и сжав губы, Саша отрицательно мотает головой. Женя удивленно смотрит на Тимура. Тимур слегка пожимает плечами.

— Как хочешь. Но крепости вам не взять! И чтобы вести бой, у вас должны быть лыжи, крюки, веревки и приставные лестницы... Ты мне враг, но это я тебе говорю как другу.

Саша, открывая глаза, говорит с ненавистью:

— Уйди, уйди! Крепость твою мы все равно захватим!

— Ее сожжет солнце, растопит дождь, сравняет ветер, но вашей она никогда не будет! — вспыльчиво отвечает Тимур, поворачивается и выходит.

Женя бежит за ним следом.

— Молодой комендант! — кричит вдогонку Тимуру доктор. — Я красный крест, и я прошу обеспечить мне свободный проход через вашу опасную территорию...

Открывая в передней Тимуру дверь, Женя спрашивает:

— Так вы с моим братом враги?

— Да. И ты на меня за это сердита?

— Нет, — вздыхает Женя. — Что же... ваше дело военное...

29662

— Я пришел предложить тебе перемирие.

Закрыв дверь, Женя возвращается в столовую, где доктор и капитан Максимов разговаривают о Саше.

— У вашего сына, вероятно, воспаление легких, — говорит доктор. — Режим — постель. Еда — легкая. Питье — кислое. Возьмите рецепт. Надо быстро сбежать в аптеку.

Нянька сует Нине в руки рецепт:

— Сходи, Нина. Мне надо собирать капитана.

Нина в замешательстве смотрит на няньку.

— Но, нянечка, можно позвонить, — рассудительно говорит Женя. — Можно послать дворника... А то за папой придет машина и они не попрощаются.

— Успеет. С трамвая на трамвай, а там рядом, — спокойно отвечает нянька.

Нина тревожно смотрит в глаза Максиму. Он взглянул на часы и молча кивает головой.

— Нина, не жоди, — говорит из своей комнаты уже уложенный в постель Саша. — Я подожду. Мне не больно.

Нина входит к нему, наклоняется и целует его в лоб:

— Спасибо, командир. Спи. Все хорошо будет.

Нина ушла. Нянька укладывает чемодан.

Максимов садится на стул возле Саши, рядом с ним пристраивается Женя.

У изголовья Сашиной кровати стоит стол, на нем цветы, коробочка, стакан и отряд оловянных солдатиков.

Стучат. Входит шофер Коля и передает Максиму конверт:

— Товарищ капитан, есть машина... Саша, здравствуй!

Максимов, разрывая конверт, говорит шоферу:

— Вы приехали на час раньше. — Читает приказ. — Все понятно. Дети, мне пора. Няня, скажи Нине, что я ее ждал... Ты на нее не сердись. Ты поцелуй ее от меня.

Саша привстает:

— Папа! Ты пиши мне часто... И ты, Коля, если у него бой, он занят, пиши мне тоже... — Тут он оборачивается, берет со стола оловянного солдатика и протягивает его шоферу: — На, возьми от меня на память.

Коля осторожно приближается, издали протягивая руку:

— Есть писать часто, Саша! А солдат назад вернется с медалью.

Кладет солдата в карман.

— Ты, шальная голова, там, на фронте, не очень-то с капитаном за медалями гоняйся, — строго говорит Коле нянька. — Ты если где

видишь нельзя, опасно, постой, обожди, обвези капитана кругом.

— Есть обвезить капитана кругом!

Саша манит отца и что-то говорит ему на ухо. Отец подумал, загадочно кивнул головой, вынул из полевой сумки бумагу и что-то быстро на ней пишет. Нянька настораживается. Максимов складывает записку и передает ее Саше: Саша взял коробочку, сунул в нее записку, положил коробочку на стол. Потом подумал и поставил около нее двух оловянных часовых.

Максимов берет сына за руку и целует его:

— Товарищ генерал! Желаю счастья, здоровья, а в боях успеха... Пожелайте и мне того же...

Когда Нина возвращается из аптеки, капитана Максимова уже нет. В опустевшей столовой беспорядок. Не глядя на няньку, Нина тихо спрашивает:

— Анна Егоровна, Степан, уезжая, ничего не сказал? Ничего мне не передал?

— Он? — как бы напоминает нянька. — Ничего. Да! Он просил, чтобы ты отнесла его книги в полковую библиотеку.

— Хорошо, — говорит Нина, опустив голову, потом поворачивается и дрогнувшим го-

лосом спрашивает: — Скажите, за что вы меня не любите?

— Я всех люблю, — сухо вато отвечает нянька. — Но у него большие дети, и им нужна настоящая мать, а не такая, как ты, девочка.

Вдоль снежной крепости мерно шагают часовые.

С деревянными винтовками, немного сутулясь, они ходят навстречу один другому. Потом останавливаются у костра. Часы гулко отбивают четверти.

Первый часовой прислушивается:

— Уже должна быть смена.

— Смена не придет, — отвечает второй часовой, грея над огнем руки. — Никого дома не отпустят.

— Не те времена. Теперь отпустят.

Часовые повбращиваются. По тропке плечом к плечу шагает смена. Большие валенки в калошах четко, с протяжкой отбивают по скрипучему снегу шаг за шагом.

Караул сменяется.

— Все спокойно? — спрашивает третий часовой.

— Пробежала собака. Пролетела ворона.

Орда спит, и караулить нечего, — отвечает второй.

— Порядок, — говорит первый часовой. — Комендант молодец! Комендант знает, что делает!

— Коменданту хорошо, комендант спит под теплым одеялом, — ворчит третий.

— Комендант проверяет караулы, — говорит, выходя из-за куста, Тимур и, заметив смущенное лицо третьего часового, жмет ему руку: — Ты пришел, ты не подвел, Гриша. — Он выпрямляется. — Встаньте по уставу! Плечи не гни! Стой свободно и гляди в оба!

Из пролома каменной стены высовываются недоуменные лица Вовки и Юры.

— Он с ума сошел! Такой мороз... Бррр... — жмется Вовка. — Вон кошка подохла. А у них опять сменяются часовые... Мне домой пора. Отец ничего, а бабка вредная, и она может стукнуть по затылку.

— Вот тебе и разведка... — уныло шепчет Юрка. — Эх, заложить бы под стены крепости хорошую бомбу!

— Бомбу?! — Вовка оглядывается и, заметив драный валенок на снегу, хватается за него: — Отвлекай часовых! Засекай время! Бомба сейчас будет брошена!!!

Вовка и Юрка крадутся к стенам крепости.

— Эх, заложить бы под стены крепости хорошую бомбу!

— Стой! Кто идет? — кричит третий часовой.

К нему подбегает четвертый. Оба настороженно вглядываются в темноту. А в этот момент с другой стороны перелетает через стену крепости и падает на снег драный валенок.

Не заметив его, часовые ходят опять четким шагом вдоль стены.

Тревожно раскинувшись, бормочет что-то в полусне Саша. У него жар. Температура поднимается все выше и выше.

Стена над Сашиной кроватью увешана деревянным оружием. На столе у изголовья цветок в стакане и коробочка. У коробочки замерли два оловянных часовых. Дальше, на краю стола, выстроился целый отряд.

Саша приоткрывает блестящие от жара глаза и смотрит на своих солдат. И вдруг оба часовых точным движением сходят со своих подставок и, приподняв с полу приклады винтовок, чеканным шагом идут навстречу один другому вдоль охраняемого пространства. Саша улыбается. Но вот лицо его насторожилось. Быстрым движением поворачиваются

оловянные часовые, перехватывают винтовки наизготовку, приклад к плечу. Пятятся. Смешным клубочком один за другим подымается дым выстрелов. Часовые выхватывают из-за пояса бомбы, бросают их. Беззвучно вспыхивает огонь, вздымаются клубы дыма.

А когда молочный дым рассеивается, над поваленными часовыми протягивается чья-то рука, открывает коробку и достает записку. Это нянька. Торопливо сует она записку в карман и оборачивается. У дверей стоит Нина в пестром халатике и тихо говорит:

— Анна Егоровна, идите, я посижу... Мне все равно не спится.

Нянька поправила Саше подушку, вышла и, прикрыв за собой дверь, торопливо разворачивает записку. На ее лице недоумение. Это чистый, белый лист, без единой буквы.

А Нина взяла со столика термометр, покачала головсй, подняла опрокинутый пузырек и присела на край кровати. Подняв откинутую, сжатую в кулак руку Саши, она замечает в кулаке бумажку, разнимает Саше пальцы, берет записку и читает: «Милая Нина, береги детей. Расти и сама. Прощай. Вернусь — все хорошо будет. Степан».

Лицо Нины загорелось волнением и улыбкой. Она положила записку в коробку, опять поставила около нее двух оловянных часовых. И, благодарная, опускает голову на грудь Саше.

Стоят опять на посту оловянные часовые.

Часовые у стен снежной крепости прислушиваются к звону башенных часов.

— Должна быть смена, — говорит один.

— Смена не придет. Их дома не отпустят, — возражает другой.

— Не то время. Теперь отпустят.

И тут же оба часовых поворачиваются, услышав мерный, чеканный топот тяжелых шагов по скрипучему снегу. Идут Коля Колокольчиков и еще один мальчик, укутанный с головы до ног.

Караул сменяется у раскрытых ворот. Вдруг Колокольчиков бросается внутрь крепости, поднимает драный валенок и, заикаясь от волнения, кричит прямо в растерянные лица часовых:

— Ротозеи! Я пост не приму! Я доложу об этом коменданту!

Чья-то рука открывает коробку и достает записку.

На снежной лесной поляне все перекорено. Возвышается какое-то полуразрушенное железобетонное сооружение. Лежит вверх колесами пушка.

Лыжник в белом халате пересекает поляну и ныряет в чащу леса. Его окружают черные деревья, зубья скалистых камней. Вокруг угрюмая тишина.

Лыжник бежит. Зацепил халатом за сук, рванул, остановился и снимает халат.

Сверху раздается вдруг каркающий голос: — Гляди под ноги, не задень провод.

Лыжник поднимает голову и видит наверху в ветках артиллерийского наблюдателя. У него резкое лицо, орлиный нос, на шее бинокль, в руке телефонная трубка.

— Ворон-птица! Капитан Максимов у вас на батарее? — спрашивает лыжник.

Наблюдатель резко, как крылом, махнул рукой, показывая направление, и поднес бинокль к глазам.

Внутри полуразрушенного вражеского дота два красноармейца и шофер Башмаков пьют чай на дощатом столе возле железной печки.

Телефонист принимает телефонограмму, записывает и через ровные промежутки повторяет:

— Давайте... давайте...

Коля вынимает из кармана бумагу, спички, махорку и оловянного солдата. Он ставит солдата на стол и, свертывая цыгарку, говорит:

— Война нелегка. Жена далека. Кругом шинели летят шрапнели. Давай, солдат, табакку покурим.

Красноармеец-башкир отхлебывает чай и усмехается:

— Большой человек с маленькой игрушкой играет... Смеяться можно.

— Смейся, — отвечает Коля. — Это солдат волшебного войска... Не понимаешь? Ну, как по-вашему?.. Колдун, что ли?

— Жулик? Так будет?

— Эх, хватил не по той мишени... Этого солдата мне подарил один генерал. У него солдат ученый: он говорить умеет. Скажи, солдат, почему Абдул Муртазин пьет чай без сахару?

Коля пускает густой клуб дыма, который почти закрывает его лицо, и тонким голосом сам отвечает:

— Стоял в секрете, съел на рассвете.

Второй красноармеец хохочет. Телефонист грозит всем кулаком.

— Он у меня еще и не то может! — гордо говорит Коля и снова наклоняется к оловянному солдатику. — Раз, два, три, четыре, пять! — Он дунул, окутал солдата густым клубом дыма и заканчивает, обращаясь к башкиру: — Можешь сахар получать!

Дым рассеивается. Рядом с алюминиевой кружкой башкира лежит кусок сахару.

Башкир добродушно улыбается.

Отодвинулась рогожа, заменяющая сорванную дверь. В клубах пара входит капитан Максимов. Все встают.

Рогожа опять отодвинулась, входит лыжник. Его халат перекинут через руку. Лыжник подает пакет и рапортует:

— Товарищ капитан, посыльный лыжник штаба батальона Егоров прибыл в ваше распоряжение.

Максимов пробегает глазами бумагу.

— Почему вы без маскировочного халата?

— Зацепил, разорвал. Сейчас чинить буду. Товарищ капитан, вам от жены телеграмма. Попала на третью батарею случайно. Распечатана потому, что, меняя позицию, третья батарея передала ее по телефону на вторую.

— Смейся, — отвечает Коля. — Это солдат волшебного войска.

Лыжник передал телеграмму, отошел и греет руки у железной печки.

— Мне... от жены? — удивленно переспрашивает Максимов, читает, улыбается и показывает телеграмму шоферу Коле.

Коля читает:

— «Саша поправляется, опять собирается штурмовать крепость. Мы для раненых устраиваем елку. Все целуем. Жена Нина».

Капитан, показывая карандашом на подпись, тихонько говорит:

— Женя, Нина.

И быстро пишет что-то на телеграмме. Лицо его лукаво.

Красноармеец-башкир улыбается чуть хвастливо:

— У меня дома в Уфе тоже жена есть. Она мне тоже смешной писем пишет.

— Врешь, врешь! — говорит второй красноармеец. — Никакой жены у тебя нету...

— Невеста есть в Стерлитамаке, Лола зовут, — задумчиво и безобидно отвечает башкир. — Она мне тоже смешной пишет.

Максимов кладет телеграмму в конверт и протягивает Коле:

— Не забудьте сегодня отправить.

Телефонист, окончивший приемку, молча передает капитану исписанный лист, подходит

к печке, греет руки и, усмехаясь, спрашивает у лыжника:

— А у тебя есть Лола?

— Лолы у меня, я прямо скажу, нет, — отвечает лыжник. — Лола у меня после войны будет.

— Тебя убьют, потому что ты бегаешь без маскировочного халата, — строго говорит телефонист.

Лыжник усаживается, расправляет халат, достает иголку и говорит серьезно:

— Убьют? Тогда, конечно, никакой Лолы не будет...

Капитан Максимов, прочитав телефонограмму, приказывает шоферу:

— Приготовьте машину. Едем в штаб участка.

Коля подтягивается:

— Есть приготовить машину, товарищ капитан!

— Товарищ посыльный, — спрашивает капитан Максимов у лыжника, — по опушке леса вдоль озера дорога не под обстрелом?

— Я проскочил, было тихо, товарищ капитан. Но я что? Тень... стрела... заяц...

— Заяц? — усмехается телефонист. — От таких зайцев волки на деревья скачут!..

Через лес пробираются два дозорных финских лыжника. Что-то услышали, настожились и направились к дороге, по которой едут в штаб капитан Максимов и шофер Коля.

Максимов молча смотрит вперед, Коля говорит, не поворачиваясь к нему, глядя на дорогу:

— Разрешите, товарищ командир, спросить? Почему вам дома картина у Нины не понравилась? А мне понравилась. Люди идут, цветы несут. Ребятишки по хорошей дороге на палках скачут. Весело... — Коля вертит рулевую баранку, машина прыгает. — А это разве дорога? Погибель! — говорит он, меняя тон, и искоса смотрит на озабоченное лицо Максимова. — Вы бы что-нибудь, товарищ командир, сказали... Очень мрачная вокруг территория.

А вокруг действительно мрачно: угрюмый лес, черный скелет сгоревшей избы, обломки скал, расщепленное дерево, причудливо-уродливые фигуры из снега.

— Да, на картине дорога красивая, — задумчиво говорит Максимов. — Только очень ровная, гладкая, без задержки, без боя...

— Как без боя?! — восклицает Коля,

Максимов молча смотрит вперед.

резко меняясь в лице, дает тормоз и хватает пулемет.

Взрыв, дым.

Коля в снегу. Ручной пулемет лежит стволом на пне, и, перед тем как нажать на спуск, Коля кричит:

— Как без боя?! Нынче без боя дорог не бывает!

Мчатся на лыжах финны. Капитан Максимов стреляет. Коля дает очередь в полдиска.

В небе внезапно появляются два самолета, на крыльях у них красные звезды. Настороженно смотрит вниз наблюдатель. Вдруг он делает резкое движение: он увидел, как внизу, на дороге, отряд лыжников окружает крохотную машину. Стремительно и круто ложатся самолеты на крыло.

Один из финнов бросает ручные гранаты. Коля падает навзничь. Максимов хватает пулемет и дает по финнам очередь. Потом он смотрит на пустой диск и стреляет из нагана в затвор пулемета.

Стремительно нарастает рев моторов: низко пролетая над дорогой, самолеты бьют сверху по финнам. Максимов тянет за плечи Колю. Тот неподвижен. Капитан становится на колени и, достав из простреленной сумки индивидуальный пакет, бинтует голову Коли. Закончив перевязку, он встает, сдергивает

шинель с убитого финна, потом другую, третью и закутывает ими Колю. Потом становится на лыжи и, взглянув на компас, уходит.

Улетели своим путем самолеты. На дороге остались исковерканная машина и убитые финны. Близ дороги, укутанный шинелями, лежит Коля.

А капитан Максимов мчится на лыжах под гору через лес. Внезапно он спотыкается и со всего размаху летит в снег. Лыжа сломана пополам. Максимов стоит по пояс в снегу и рассматривает сломанную лыжу. Отбросил ее, прислонился к дереву и ест снег.

По дороге идет, покачиваясь, башня с пушкой — бронемашина. Позади еще три. И на всех на них красные звезды. Водитель первой машины смотрит через узкую щель бойницы и видит, что на пустынной дороге рядом с убитыми финнами валяются полузанесенные снегом обломки легкой машины капитана Максимова. Броневику останавливается, выскакивают красноармейцы.

Коля услышал шум. Он приподнялся, открыл глаза и озирается. Рядом с ним на снегу лежит перчатка капитана.

Коля услышал шум. Он приподнялся, открыл глаза...

Раздается громкий звонок. Это началась большая перемена. В школе обычная суматоха. В углу шепчутся две девочки — это Катя и Женя Александрова.

Женя Максимова поймала за руку и тербит малыша Вовку:

— Ты зачем утром опять в пальто к Саше ввалился? Он болен, к нему нельзя... Я знаю, я сама санитарка, — она показывает на значок.

— Да... Но было спешно! Было важно! Было очень срочно нужно!

— Спешно, срочно, важно, нужно! — скороговоркой передразнивает Женя. — Я попрошу Юру или Петьку, чтобы они тебя срочно поколотили.

Вдруг, заметив шепчущихся девочек и как бы не веря своим глазам, изумленная Женя медленно выпускает руку Вовки, который улетывает прочь. Но тут же его крепко хватает за руку Тимур.

— Стой прямо! Ногами не дрыгай и гляди мне в глаза! — холодно говорит он.

— Ну, глянул, — робко отвечает Вовка.

— И что ты там видишь?

— Ну, ничего... Синяк вижу, царапину...

— Не туда смотришь, смотри глубже...

— Ну, круги вижу... Зрачок, дырку...

— Ты видишь в моих глазах гнев! Кто высыпал ведро золы, а вчера бросил валенок и мерзлую кошку за стены нашей крепости? Ага, молчишь! — Он хочет дать Вовке щелчка, но раздумал и усмехнулся. — Исчезни! Здесь нейтральная территория, но смотри, не попадись мне на поле боя!

Тимур отпустил руку Вовки. Вовка мчится прочь и тотчас же попадает в лапы Юры.

— Стой! О чем ты шептался с Тимой Га-
раевым? — спрашивает Юра. — Ага, измена! Ты замышляешь предать родной двор и переметнуться к нему на чужбину?

— Нет, он не задумал на чужбину, но он хвостун и он надоедает больному Саше, — с презрением говорит Женя Максимова. — Юрка! Значит, решено? Устроим для раненых елку?

Юрка поворачивается к Вовке:

— Ты смотри, пока об этом молчок!

— Я, братцы, никому... Я человек-камень... Человек-могила!

Женя Максимова подскочила к Кате и дернула ее за руку:

— С кем это ты всю перемену шепталась?

— Это Женя Александрова, одна девочка из шестого «Б». И она мне рассказывала, какое шьет к елке платье...

— Катя, не верь, никуда и ничего я не просовывала.

— Знаю я эту Александрову. Я стояла, м тебе мигала, моргала, а ты... Какое у нее платье? Из материи или из бумаги?

— Она не велела говорить... Она говорит, что ты задавала и что вместо нее просунула не в очередь пальто в раздевалке.

Женя остолбенела, потом всплеснула руками и говорит, задыхаясь:

— Я задавала? Я не в очередь? Вот клевета, какой еще не было на свете!

В это время гремит звонок, и Женя меняет голос на обыкновенный:

— Катя, не верь, никуда и ничего я не просовывала.

Она удивленно смотрит и видит, что Женя Александрова подошла и ввляла Тимура за руку. Оба они смеются.

— Подумаешь, принцесса крепостного гарнизона! — говорит Женя с гримасой. — Саша выздоровеет, крепость возьмет, а их поколотит.

— Что ты, что ты! Какая принцесса? Она дочь броневого командира...

— Я сама дочь артиллерийского капитана, и это я, а не она придумала устроить для раненых елку.

— Ну, вот ты и задавала! Женька, со знайся, ну чуточку, ну вот столечко, а все-таки задавалочка.

В комнате отдыха, в отделении для выздоравливающих прифронтового лазарета, сидит за столом шофер Коля Башмаков в халате, с повязкой на голове. Перед ним скотканная бумага и конверт. На столе стоит оловянный солдатик. Коля что-то чертит на белом листе бумаги. Обращаясь не то к сидящему напротив с книгой раненому, не то к солдату, он говорит:

— Когда я закрою глаза, чудная встает передо мной картина... Тепло... светло... Идут люди, а также ребятишки и красивые девушки. Песни поют... Несут цветы! Лимоны там, фрукты разные... Весело! А дорога перед нами... — Он зажмурился. — Дорога... лети, вертись, как круглый шар по бильярду! — Коля смотрит на лист бумаги, на нем довольно точно воспроизведена по памяти картина Нины. — И вот, когда возникает передо мной эта чудная картина, то сразу представляется мне еще другая дорога: разбитая «эмка», дым, пустые обои. И на снегу перчатка моего капитана, который укутал меня шинелями, чтобы я, Башмаков, не сдох, а жил для общей, а отчасти и для своей пользы...

Раненый удивленно поднял от книги глаза на Колю и смотрит, как тот говорит, обра-

щаяся теперь только к игрушечному солдатику:

— Странно! И что мне эта картина? Картон... краска... Звук далекой музыки... Вроде как ты, смешной солдат, простая оловяшка... Так почему же, когда я смотрю на вас, сжимается у меня за людей сердце?..

— Потому что ты, сидишь с утра за бумагой, — говорит раненый с книгой. — Сейчас я позову сестру, и она отберет у тебя ручку и чернила.

Коля торопливо принимается писать снова.

Двое раненых играют в шашки; один, сидя в кресле, тренькает на мандолине и тихонько напевает:

Письмо придет — она узнает,

На щеку скатится слеза...

И горько-горько зарыдают

Ее прекрасные глаза...

Коля отрывается от письма и говорит раненому:

— Прошло всего четыре дня, а мне кажется, что прошло четыре года.

Он задумался. Потом опять заговорил не то с раненым, не то сам с собой:

— Когда я вступал в партию, меня один человек спрашивает: «Чего тебе впереди надо?» Я отвечаю: «Чего всем людям: счастья...»

Медицинская сестра проходит мимо:

— Товарищ Башмаков, что вы бормочете? Оставьте чернила и бумагу. Идите гулять или играть в шашки.

— Шашки — пустое развлечение. Это игра не для моего характера... Сестра, как бы мне получить из цейхгауза вещи? В гимнастерке лежит неотправленное письмо капитана.

— Вещи и документы вы получите послезавтра, когда пойдете в отпуск.

Сестра уходит, и Коля снова обращается к раненому:

— Доктор сказал: «Странный случай в медицине. Если обыкновенного человека стукнуть по голове, он дуреет. В вас же швырнули бомбой, ударили головой о дерево, а вы судите и рассуждаете, как настоящий философ».

— Он пошутил. Это он сказал для ободрения духа. — Раненый показывает на рваную бумагу: — Вот ты уж десять раз письмо рвешь и опять пишешь... Это разве философия? Это дурь!

— Я пишу семье моего погибшего начальника... Я пишу: «Девушка, зачеркните на вашей картине цветы. Капитан был прав, и нынче без боя дороги не бывает».

Раненый пожимает плечами:

— Доктор определенно пошутил. Случай в медицине самый обыкновенный...

Сестра подходит и говорит твердо:

— Больной Башмаков, оставьте ручку и чернила. Идите гулять. Отдыхайте или играйте в шашки.

Коля торопливо берет конверт, вкладывает в него исписанный лист бумаги и пишет адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Лично для Нины». Быстро подходит он к стоящему тут же в комнате почтовому ящику. И мгновение медлит.

Раненый с мандолиной громко запеваёт:

Письмо придет, она узнает,
На щеку скатится слеза...

Коля рывком бросает письмо в щель почтового ящика.

Играющие в шашки с треском заканчивают партию. Раненый, который читал, захлопывает книгу. Все они разом дружно подхватывают:

И гор-р-рько-горько зарыдают
Ее прекрасные глаза...

Нина сидит на кровати около Саши. Она берет его за руку и говорит:

— Женя в школе, няня в магазине. Я вернусь скоро. Саша, я прошу тебя, к окну не подходи близко...

— Женька моих голубей не кормит. И там кто-то их к своему окну переманивает.

— Хорошо, я буду их кормить сама. Ты мне веришь?

— Почему папа не ответил на твою телеграмму?

— Почему? Очень просто. Они, вероятно, перешли в наступление, и телеграмма его не застала на старом месте.

— А где у него было старое место?

— Я не знаю... Ну, где-нибудь в лесу, — Нина улыбается, — под елкой. Ты, Саша, сам командир и это дело лучше меня знаешь.

— Да, конечно, — благодарно улыбаясь, говорит Саша. — Они перешли в наступление. И я перейду в наступление тоже. Иди. Я тебя люблю, Нина.

Нина ушла, а Саша подошел к окну, поцарапал по заснеженному стеклу пальцем и сделал круглую дырочку. Прилетают голуби и усаживаются на карниз окна.

В это время раздается звонок. Саша выходит в переднюю и видит, как сквозь щель просовывается письмо. Он поднял его и бежит в свою комнату. На лице его волнение.

Он повертывает письмо. Глядит на свет. Ему очень хочется вскрыть письмо. Но на конверте надпись: «Лично для Нины».

Саша кладет письмо на подоконник и стоит у окна. Вдруг он замечает, что к одному из окон в стене высокого дома напротив слетаются на снежный карниз голуби. Через форточку просовывается рука и сыплет крошки голубям. Голуби клюют. Тогда Саша в гневе поворачивает рукоятку оконного запора и распахивает обе рамы. Пар врывается в комнату. Саша высовывается из окна, шарит по подоконнику и тянет тряпку. А тряпка зацепила и тянет письмо, тянет и оловянных солдатиков.

Саша кричит:

— Это кто моих голубей переманивает?

Снизу, со двора, удивленно наблюдает за Сашей Коля Колокольчиков.

Саша швыряет тряпку. Летит вниз письмо и падают солдатки. Перегибаясь, с отчаянием смотрит Саша вниз, но письма не видно. Он поднял голову и замер, потому что в окне напротив он теперь видит изумительной красоты девочку. У нее белые, падающие кольцами на плечи локоны. Волосы схвачены обручем, от которого расходятся мерцающие лучи. На ней легкое, как дымка, усеянное звездами платье, и она пальцем показывает

На ней легкое, как дымка, усеянное звездами платье.

куда-то вниз. Там, внизу, за уступом, невидимое Саше, лежит письмо.

Саша высовывается глубже. Но тут в комнату вбегают Нина, хватая за плечи Сашу, оттаскивает от окна и закрывает рамы. Саша бросается в переднюю. У дверей Нина его задерживает.

Саша бормочет:

— Оставь! Пусти!.. Я уронил за окно письмо... Это письмо с фронта, от Коли, про папу...

— Сашенька... Саша... Мы письмо сейчас найдем. Мы его разыщем...

Саша, сразу ослабев, прижимает голову к груди Нины, глаза его закрываются, он бормочет:

— Письмо лежит в снегу... там в окне девочка, она звезда... Она вам покажет. Она его видит...

Нина в недоумении.

А загадочная девочка все еще смотрит через морозное окно. Вдруг она что-то внизу увидела и всплеснула руками.

Саша лежит в постели. Снова его томит жар. Температура снова все растет и растет. Неподвижно стоит в углу комнаты целый

полк оловянных солдатиков, лежит на ковре у дверей котенок. И вдруг четким движением все солдатики сходят со своих оловянных подставок, маршируют и поют:

Спит, тревожным сном объятый,
Наш начальник до утра.
Оловянные солдаты,
Нам в поход идти пора.
Сон его не потревожа,
Разумеется само,
Отыскать ему поможем
Очень важное письмо.
Тра-та. Тра-та.
Тра-та-та-та.

Снега, сугробы и леса...
Оловянные солдаты
Разошлись на полчаса.

При этих словах все войско разделяется на несколько отрядов, которые вполоборота расходятся в разные стороны.

С винтовками наизготовку, по пояс в снегу торчат возле рваного валенка оловянные солдатики.

Стоит Тимур, рядом с ним Коля Колокольчиков. В руках у Тимура распечатанное письмо.

— Оно лежало здесь... — показывает Коля и видит солдатиков. — Смотри, куда свалились из окна оловянные солдаты. — Он поднимает их.

— Зачем ты письмо распечатал? — спрашивает Тимур.

— Оно намокло и в кармане отклеилось. Я иду, дай, думаю, отнесу. А потом иду, дай, думаю, прочитаю.

— Это письмо тревожное. Письмо неясное. И я еще не знаю, нужно ли, чтобы такие письма доходили по адресу...

Тимур быстро прячет письмо в карман, потому что подходит нянька.

— Эй, вояки! Вы здесь ничего не поднимали? — спрашивает она.

— Да, они упали из вашего окна, — говорит Коля и протягивает солдатиков. — Это ваши солдаты?

— А больше ничего? Письма в снегу не было?

Мальчики молчат.

— Он бормочет: «Голубая звезда, она письмо видела», — задумчиво говорит нянька. — Бред, температура... Какое письмо? Какие звезды? А может быть... — Тут нянька пристально смотрит на мальчиков. — Вы смотрите, я правду все равно узнаю!..

В кровати сидит Саша с книгой «Прорыв танками укрепленной полосы». Рядом с Сашей — Вовка. Саша читает:

— «После того, как тяжелые танки пройдут предполье, старший артиллерийский начальник должен перенести всю мощь огня в тыл, препятствуя продвижению вражеских резервов...» — Он бросает книгу. — Нет, это нам никак не подходит...

— Может быть, подойдет где-нибудь в другом месте... — нерешительно говорит Вовка и листает книгу.

— Нет, и в другом месте не подойдет тоже... Но крепость должна быть взята и разрушена! Прикажи Юрке поставить людей на лыжи, запасти лестницы, щиты, крюки, веревки...

— Да, но ты сначала не хотел этого сам. Кто велел гнать инженерную роту? Кто сказал, что мы не плотники, не столяры, а казаки?

— Казаки, казаки! У казаков разведка, а у нас?.. Неужели нельзя узнать, что этот комендант нам еще приготовил?!

— Я тебе говорю, что он сумасшедший. Часовые сменяются вторые сутки, а за стенами что-то стучит у них, колотит, — уныло от-

вечает Вовка и тут же радостно вспыхивает: — Есть идея! Молчи и не спрашивай. Я направлю в крепость свою агентуру.

— Какая беда, что я болен! Наступайте! Вызовите на помощь мальчишек из дома тридцать шесть, из сорок четвертого. Мы им осенью помогали. Достаньте рогожи, доски! Нападайте к ночи, когда темно... Нам стыдно! Их мало, а они над нами смеются и зовут нас то «Дикой дивизией», то «Большой ордой»... Нет папы! Был бы папа, он бы подсказал, посоветовал. Вовка, будь другом... — Саша показывает на окно: — Разыщи, чья там квартира. Там у окна сидела девочка. Она, как звезда, в волосах искры, сама голубая. И кто со снега письмо про папу взял, она видела.

— Да! Но в этот дом ход... совсем с другого квартала: надо через парк, мимо крепости. А как ее, девчонку, зовут?

— Ну вот, кабы я знал! А ты спроси: не у вас ли живет вот такая?

Саша пробует показать, как выглядит девочка: делает надменное лицо, крутит от головы к плечам пальцами, изображая локоны.

— Такая? — Вовка повторяет Сашины движения, потом неуверенно говорит: — Да, но если я даже найду квартиру и стану спрашивать, не живет ли здесь вот такая, то

жильцы очень просто могут подумать, что я какой-нибудь ненормальный.

— Ну и пусть подумают. Экое дело!

— Обидно. Кроме того, меня по дороге изловят часовые из крепости.

— Так ты не пойдешь? Для товарища? Ты трус!

— Кто, я? — Вовка смотрит на увешанную деревянным оружием стену. — Дай мне какую-нибудь саблю! — Снимает одну, гнет, швыряет. — Не та сталь... Вот эту. Дай пистолет, — снимает со стены пистолет, важно жмет Саше руку. — Прощай!

Вовка уходит, но в дверях поворачивается.

— Вот такую? — он чертит вокруг своей головы звезду и локоны. — Засекай время! Я тебе приволоку эту звезду сюда... За волосы!

Через четверть часа Вовка выводит во двор свою маленькую четырехлетнюю сестренку. Она похожа на шар. На руках ее большие варежки, а на ногах неуклюжие валенки.

Вовка вынимает руку из кармана.

— Смотри. Это конфета... — Он вынул

вместо конфеты чернильную резинку, увидел и запнулся. — Гм... Это не конфета. Но здесь будет конфета. Одна, две... Четыре! Иди вот туда, — он показывает в сторону крепости, — видишь стены, ворота? Иди. Махай прутиком, как будто бы ты гуляешь, а сама пой песню: «Тра-ля-ляй, тра-ля-ляй...» Они тебя не тронут. А ты смотри, в ворота заглядывай! Потом все мне расскажешь. А потом я тебе за это дам... ну, там увидим, что... смотря по заслугам. Иди! А мне, — он вздохнул, — звезду искать надо.

Вовка задирает голову на стену восьмиэтажного дома и считает окна:

— Первое, второе, третье, три уступа, два балкона, окно снизу третье, сбоку шестнадцатое. Раз, два! Засаекаю! — Он взмахивает саблей, оборачивается и видит перед собой вооруженного Колю Колокольчикова.

— Я дозорный крепости, Колокольчикое. Кто ты? — холодно спрашивает Коля.

— Я... Вовка...

— Что у тебя в руке?

— У меня? У меня палочка.

— Врешь, это сабля. Стой и защищайся!

— Очень странно. Вы, кажется, хотели... перемирие...

— Мир для воинов, а не для диверсантов! Ты же ночью забросил к нам в крепость

— А ты смотри, в ворота заглядывай! Потом все мне расскажешь, — говорит Вовка.

мерзлую кошку, а кто-то недавно высыпал за стену ведро с золой. За это мы должны тебя уничтожить!

— Золу не я. Это Юрка.

— Юрка будет уничтожен особо, а ты особо!

Коля вынимает саблю, но тут же растерянно оглядывается, отскакивает и убегает прочь, потому что с метлой в руке к ним приближается дворник. Он басовито кричит вдогонку Коле:

— Ты... разведка! Со двора выметайся! Вы меж собой воюйте, сражайтесь, но у меня чтобы все стекла были целы!

Завидев приближающуюся Женю Максиму, Вовка нахохливается и важно сует саблю за пояс.

— Трус! Так я тебя и испугался. Жаль только, что помешал дворник. Женя, возьми мою сестренку. Пойдите с ней вон там погуляйте. Очень интересно. Вон стоит комендант Тимка. Ты подойди к нему и что-нибудь: тыр... быр... тыр. Ну, ты умеешь... А я тихо, как тигр, проскочу мимо крепости.

Женя берет за руку девочку и критически оглядывает Вовку:

— Ты не тигр, а ты просто смешной ушастый кролик.

На небольшой площадке около парка толпится народ: здесь продают елки. Меж деревьев, направо от дороги, видна снежная крепость. За нею стена ограды большого дома. В сторонке стоят Катя и Женя Александрова.

— Ты Женя и она Женя, — говорит Катя. — Я вас помирю... Она очень хорошая. Ее отец тоже на фронте... И мы решили устроить для раненых елку. — Катя оборачивается и резко спрашивает подошедшего к ним вплотную Тимура: — Тебе что надо?

— Это Тимур, мой товарищ, — говорит Женя и тихо предупреждает Тимура: — «Большая орда» готовит к штурму лыжи, крюки, палки.

— Знаю.

— Ты всегда все сам знаешь, — слегка обижается Женя и, увидев приближающуюся к ним Женю Максимова, отворачивается.

— Ты что? — удивляется Тимур.

— Это идет одна девчонка. Ты ее, кажется, тоже знаешь...

— Это идет Женя Максимова. Знаю.

Он тянет Женю Александрову за собой, но она вырывает руку. Тимур подходит к Жене Максимова. Они дружески здороваются.

— Тимур определенно помешался, — говорит Женя Александрова Кате. — Он ведет ее в нашу крепость, а она все расскажет своему брату!

Тимур подводит Женю Максимову и Вовкину сестренку к прекрасной снежной крепости с фортами, башнями и зубцами. За ними идет и Катя.

На одной из башен развевается флаг — звезда с лучами. Ниже, в стене башни, — часы; это вправленный в снег будильник. Над часами — решетка. У ворот крепости стоит часовой. Внутри деловито суетится гарнизон. На уступах стен возвышаются пирамиды снежных снарядов. Между зубьями — самодельный зеркальный перископ. В углу стоит что-то громоздкое, тщательно укутанное рогожей. Горит костер, над костром котелок. Коля Колокольчиков торопливо пьет из кружки чай и ест булку. У огня лежит большая собака.

Тимур показывает девочкам какое-то замысловатое орудие. Казенная часть его — это косой, покрытый льдом лоток, по которому уложены цепочкой круглые снаряды. Справа — колесо с рукояткой. По ободу колеса — широкие стальные пластинки. Это автопушка. Около нее возятся артиллеристы. Знакомя с ними девочек, Тимур называет но-

мера расчета: замковой, наводящий, подающий, заряжающий.

— Сколько? — показывая на орудие, спрашивает Тимур.

— Проверял по часам: сто двадцать выстрелов в минуту, — отвечает замковой. — Была одна задержка — перекося снаряда. Но это вина их, — он показывает в сторону мальчишек, которые лепят снежки, — а не наша...

Замковой поворачивает круг, стальная пластинка оттягивается. Снаряд скользит по лотку и становится перед казенной частью. Пластинка с треском срывается, снаряд вылетает. На его место стал другой, потом третий, четвертый.

Целая очередь снарядов пролетает над головой Вовки, который осторожно крадется по тропке через парк. Вовка присел. А замковой в крепости дает еще несколько выстрелов, к полному восхищению Жени и Кати. Только маленькая Вовкина сестренка, не обращая ни на что внимания, опасно смотрит на большую собаку.

Женя видит сооружение, покрытое рогожей. Хочет его приоткрыть. Но Тимур быстро задерживает рогожу:

— Простите, но этого нельзя. Это наша военная тайна.

Резкий свисток прерывает Тимура: часо-

вой заметил пробирающегося меж деревьев Вовку. Часовой хватает снежок. Но Вовка уже за забором.

— Это сигнал, — говорит Тимур. — Теперь я попросил бы женщин с территории крепости удалиться.

Женщины — Женя и Катя — с достоинством откланиваются. Маленькая девчурка, не опуская недоверчивых глаз, опасно кланяется собаке.

— Послушай, — говорит Женя, — почему ты с нами так разговариваешь? Какие мы женщины? Какая территория? Какая тайна? Ты над нами смеешься.

С лица Тимура сходит суровая маска, теперь это обыкновенное лицо задорного мальчугана, он улыбается.

— Я смеюсь, но не над вами. Мне весело. Твой брат — наш враг, и им не взять нашу крепость ни за что на свете! Что свистишь? — обращается он к часовому.

— Шпион проскочил. Вовка Брыкин.

— А Вовку надо изловить и вот на башне повесить! — говорит Тимур.

Но Вовка в это время уже поднимается по чужой лестнице. Немного помявшись на площадке у двери, он звонит. Высовывается здоровенный дяденька и молча ждет вопроса.

— Скажите, пожадуйста, не живет ли здесь одна девочка? — спрашивает Вовка.

Дяденька хладнокровно оборачивается и зовет басом:

— Варвара... тебя спрашивают.

Выходит очень маленькая девчурка в белом передничке, с вымазанными мукой руками. Она отряхивает муку, потирая одной рукой о другую, и спрашивает:

— Ты ко мне, мальчик? Я занята.

— Это не то. Это с другого подъезда, — пятится Вовка и мчится вниз по лестнице.

Девчурка пожимает плечами, улыбается.

— Он меня, кажется, испугался.

Вовка останавливается перед другой дверью и звонит. Дверь осторожно отворяется. В щель просовывается рука. Рука хватается Вовку и бесцеремонно втаскивает в темную прихожую. Худенькая старушка теребит Вовку:

— Я тебя пустила на полчаса, а тебя нет два часа! Разбойник! Ты хочешь моей гибели!

— Нет, тетенька, я совсем не хочу вашей гибели, — заикаясь, лепечет Вовка.

— Ты кто? — изумляется старушка и зажигает свет.

— Я, тетенька, хотел спросить... нет ли у вас одной девочки?

Старушка выталкивает Вовку за дверь:

— Нет у нас никакой девочки! Хватит нам и одного мальчика!

Вовка снова пускается на поиски и звонит у третьей двери. За дверью слышна музыка. Кто-то играет на аккордеоне. Дверь распахивается, перед Вовкой стоит Женя Александра. На ней просторный длинный халат.

— Тебе что? — спрашивает Женя.

— Я хотел спросить... Не живет ли здесь одна девочка?

— Я живу. Я девочка.

— Ты? А нет ли какой-нибудь еще... в другом роде? — говорит Вовка, критически оглядывая Женю.

— Девочки в другом роде не бывают, — усмехается Женя. — Девочки все в одном роде.

— Это конечно. Но я хотел спросить... нет ли у вас тут такой... покрасивей?

— Ты глуп, и что тебе надо, я не понимаю, — вспыхивает Женя, захлопывает дверь и уходит в комнату.

Там ее сестра Ольга играет на аккордеоне и тихонько поет:

Летчики-пилоты... Бомбы... пулеметы...

Вот и улетели в дальний путь...

Ольга кладет аккордеон и спрашивает:

— Женя, я не пойму: ты на Тимура сердита?

— Не знаю... Он переменялся, — с горечью говорит Женя. — Что же? Разве он на самом деле командир или начальник?

— Я не знаю, как сейчас... Но большим командиром этот Тимур когда-нибудь будет... Это кто приходил?

— Приходил какой-то мальчишка, спрашивал какую-то девчонку...

Женя сбрасывает халат. На ней замечательное, в звездах, платье. Она подошла к зеркалу, надела белокурый в локонах парик с мерцающими лучами, расходящимися от светлого обруча.

Это и есть та «голубая звезда», которая так нужна Саше.

В коридоре военного учреждения перед каким-то командиром, подтянувшись, стоит Тимур. Рядом с военным — молодой, еще неуклюжий призывник.

— Скажите, если человек убит, ранен или пропал без вести... об этом с фронта в письме писать можно? — спрашивает Тимур.

— Можно, но не нужно! — отвечает военный. — Об этом только после проверки и кому нужно мы сообщаем сами.

Тимур хочет еще что-то спросить, но вдруг

в глубине коридора он замечает няньку, которая идет и осматривает на дверях таблички.

— Можно, но не нужно? Спасибо, — поспешно говорит он и козыряет. — Больше мне ничего знать не надо. — Четко повернулся и вышел.

— Товарищ, одерните ворот, поправьте ремень, — говорит военный призывнику, показывая на уходящего Тимура. — Смотрите, как нынче мальчишки-пионеры ходят...

Тем временем нянька, найдя нужную комнату, разговаривает там с военным о Максимове.

— Значит, Степан не убит? — спрашивает нянька.

Военный сочувственно и огорченно пожимает плечами.

— Тогда он, может, в плену?

— Вряд ли. — Военный быстро поправляется: — Капитан Максимов значитя пока как пропавший без вести... Дети у него есть?

— Двое.

— Вы пришли, и я вам сказал, но детям его я бы советовал пока ничего не говорить... Да и жене не надо...

— Жены у него нет... Невеста.

— Невесте я бы несколько дней подождать говорить тоже.

— Значит, Степан не убит? — спрашивает нянька.

— Значит, без вести?

Нянька поднимает на военного свое старое умное лицо и не то про себя говорит, не то спрашивает:

— Война?

Военный, вставая, смотрит ей в глаза и, кивнув головой, твердо отвечает:

— Война!

Сидя за столом, заваленным ворохом бумаги, лент и лоскутков, Женя Максимова шьет маскарадное платье. Рядом в кресле сидит Саша, ноги его укутаны одеялом. Перед Сашей стоит растерянный Вовка.

— Ты подумай, она была в крепости и не хочет сказать нам ни слова! — с досадой говорит Вовка, показывая на Женю.

— Я была у коменданта как гость, а не как ваш разведчик! Понятно?

— Понятно, понятно, — сердито отвечает Саша и поворачивается к Вовке: — А что же твоя агентура?

— Моя агентура просто дура! Я ее спрашиваю: «Что видела?» — «Собаку». — «Еще что?» — «У ней на лапах когти». — «Ну ладно, а еще, кроме собаки?» — «Мальчишек видела. На них собака не смотрит, а на меня

глаза уставила и зубами vorочает». Вот и поди с такой агентурой поработай!

— Лыжи, палки, рогожи, крюки готовы?

— Все готово. Сегодня к ночи от крепости останется один пепел!

— Я буду смотреть через окно. И если вы, трусы, опять отступите, я сам на улицу выскочу!

— Кто отступит? Мы? — Вовка протягивает Саше руку. — Считаю, что крепость уже разрушена! Остались обломки... угли, дым, пепел. Вороны летают. Бродят собаки, волки и жрут трупы...

Вовка важно уходит.

— Ой, и до чего же хвастун этот Вовка! — почти восхищенно говорит Женя.

— Женя, когда от папы последняя была телеграмма? — спрашивает Саша.

— Давно: две недели, — отвечает Женя, доставая из кармана телеграмму, и повторяет давно заученный наизусть текст: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Пишите чаще, как здоровье Саши. Целую. Папа».

— Пишите чаще, а сам ничего не пишет... Женя, Вовка не смог. Узнай ты, чье это окно.

— Ну как его узнаешь? Таких окон сто. А ход в тот дом с другой улицы... Ну, какая у окна примета?

— Там сидят мои голуби. Там живет такая девчонка. Она — как звезда... Красавица...

— Голубь — примета летучая. Он то здесь, то там сядет. А красавиц в нашем квартале ни одной нету, — пожимает плечами Женя и, увидав вошедшую Нину, радостно кричит: — Нина, шей скорее мне платье! Скоро елка, у всех все уже готово.

— Нина, ты моего папу любишь? — спрашивает Саша.

— Да. Очень! — просто и прямо отвечает Нина.

— Тогда найди ту девочку. Она видала письмо. Оно про папу...

— Сашенька, у тебя была температура, жар. Тебе, может быть, просто показалось?

— Нет. Это мне потом показалось... А сначала мне ничего не показалось...

— Не кричи. Смотри, какой горячий... — говорит, входя в комнату, нянька. — Дед твой был солдатом. Отец — капитан. А ты... ты, наверное, будешь генералом.

Нина внимательно вглядывается в Сашино лицо.

— Саша, у тебя глаза блестят, лицо горит. У тебя опять температура.

Пристально смотрит за окно Саша.

Вечером, в сумерках, за сараями торопливо собирается «Дикая дивизия». В воротах домов толпятся болельщики и любопытные. В одних воротах стоит Женя Александрова, в других — Женя Максимова.

В руках мальчишек крюки, палки, веревки. На снегу лыжи. Большинство мальчишек укутано в самодельные маскировочные халаты из простыней, наволочек и передников. У некоторых на голове белые тюрбаны из полотенец. Особо великолепен Вовка. Куском материи у него закрыты грудь и живот, спина черная. В руке труба. В другой руке флаг с замысловатой эмблемой: разинув пасть, стоит на задних лапах полосатый тигр. Другой флаг развевается над башней крепости. На нем простая звезда с лучами — это эмблема Тимура и его команды.

Над часами на снежной башне опускается железная решетка. Из стены сбоку выдвигаются деревянные, покрытые льдом ворота и наглухо закрывают вход в крепость. Через одну из бойниц пристально смотрит Тимур. Рядом с ним трубач, Коля Колокольчиков. У автопушки выстроился артиллерийский расчет. Весь гарнизон наготове стоит у стен. Все спокойны, но насторожены. В углу тор-

чит какое-то сооружение, закутанное рогожей.

К крепости пробираются через кусты парка мальчишки «Дикой дивизии». Меж деревьев осторожно движется отряд лыжников. По пояс в снегу волокут мальчишки приставные лестницы.

Тимур повернулся, взмахнул рукой. Ребята из его команды сдергивают рогожу, под ней оказывается прожектор; он сделан из автомобильной фары. Ребята крутят колесо, и на стекло падает проволочная сетка. Прожектор поднимается над стенами. Вот блеснул яркий луч. И мальчишки, пробирающиеся через парк, падают в снег.

— Разведчик, что же ты не узнал, что у них есть прожектор? — сердито шепчет Юрка Вовке и командует остальным: — Лежите, не шевелитесь! А ты, Вовка, беги назад, ползи, как кошка. Скажи штурмовикам и лыжному отряду, чтобы они незаметно перестроились и заходили с тылу.

Мальчишки волокут салазки. Тащат через сугробы лестницы.

Луч прожектора приближается. И снова все падают в снег.

Но внезапно из репродуктора, висящего в парке, раздается голос диктора:

— Внимание! Объявляется воздушная

В руках мальчишек крюки, палки, веревки.

тревога. Немедленно тушите свет и затемните окна!

Луч прожектора гаснет. В темноте слышен обрадованный голос Юрки:

— Потух! Вовка, передай штурмовикам и лыжникам, чтобы шли своим прежним направлением.

— Они больше не послушают. Они ругаться будут.

Ревут гудки и сирены. В столовой у Максимовых Нина, выключив свет, торопливо опускает маскировочные шторы на окнах. В соседней комнате Саша бросается к окну и смотрит на стену дома напротив. Там быстро целыми секциями гаснут огни. Остается освещенным только одно окно, и это то самое, которое так нужно Саше.

Саша вскакивает на подоконник и распахивает форточку.

Со двора доносятся крики:

— Тушите свет!

— Чья квартира?

— Это двадцать четвертая.

А в это время в квартире у Александровых Ольга с намыленной головой стоит в ванной комнате. Затрещал телефон, почти одновременно раздался оглушительный звонок в дверь. Ольга вылетает из ванной и бросается к выключателю.

Свет тухнет. Саша спрыгивает с подоконника и выбегает, бормоча:

— Двадцать четвертая, двадцать четвертая...

Хлопнула входная дверь.

— Кто там? — тревожно спрашивает Нина и включает свет: шторы ведь уже опущены.

Никто не отвечает. В передней пусто. Нина бросается в комнату Саши. Саши там нет. Нина выскакивает на лестничную площадку и в страхе кричит:

— Саша! Саша!

Голос диктора объявляет отбой пробной воздушной тревоги. Дают отбой гудки и сирены.

Из крепости доносится голос Тимура:

— Огоны! Прожектор!

В панике пятится попавший под луч прожектора Вовка. Штурмовики, которые тащат крюки и лестницы, в замешательстве останавливаются. Луч прожектора медленно шарит по парку и вдруг освещает на тропинке меж сугробов Сашу, взлохмаченного, без шапки и без пальто. Саша делает несколько

шагов, но свет слепит его, и Саша, пошатнувшись, хватается за куст.

— Что за герой? — недоумевает Коля Колокольчиков. — Он идет прямо на батарею.

— Он не герой, он болен, — говорит Тимур.

— Командир с нами! — кричит в кустах Вовка. — Ура! В атаку! — и он трубит наступление.

Коля Колокольчиков в крепости трубит сигнал к бою.

— Не надо! — кричит Тимур и вырывает у Коли трубу.

Коля выхватывает из-за пояса пистолет и пускает ракету. Раздаются крики: «Урр-р-ра-а-а!!!» Из жерл орудий выбрасывается черный дым. Снежки вылетают из автопушки. Полоса снарядов бьет по одному из отрядов наступающих. Ослепленный прожектором и осыпаемый снарядами, отряд разбегается.

На тропке появляется Нина в легком платье. Она в центре огня.

— Стойте! Стойте! — кричит Нина.

На тропу выскакивает Женя Максимова и сталкивается в упор с появившейся с другой стороны Женей Александровой.

— Труби отбой! Белый флаг наверх! — кричит Тимур.

— Какой отбой? — злобно восклицает Коля. — Смотри, они отступают!

— Вперед! Вперед, трусы!!! — кричит Саша отступающим мальчишкам.

Бросается к крепости, но остутился, зашатался и падает в сугроб.

Тимур вырывает трубу у Коли:

— Я комендант! Даю отбой! Прожектор на флаг!!! Белый флаг наверх!!! — Он трубит отбой.

В кустах Вовка, поднимая голову, говорит Юре:

— Смотри, кажется, наша взяла... Они сдаются.

Над крепостью поднимается белый флаг. Луч прожектора ползет за флагом.

— Ура! Наша взяла! Вперед! Смелее! — орет Вовка.

Со всех сторон мчатся ребята из «Дикой дивизии» на умолкнувшую крепость. Ворота крепости медленно раздвигаются. Выходит Тимур и бежит к Саше.

Нина хватает Сашу и прижимает его к себе. Женя Максимова рвет крючки, пытаясь снять шубку, но, прежде чем она успела это сделать, Женя Александрова набрасывает свою шубку на плечи Саше. При этом она говорит Жене Максимовой:

— Оставь! У тебя кофта, у меня свитр...
Теперь моя очередь — пальто не в очередь!..

Ворвавшись под командой Вовки, «Дикая дивизия» громит крепость. Поленом ударяют по замку автопушки. Падает прожектор.

Коля Колокольчиков в отчаянии показывает Тимуру на крепость:

— Скажи, зачем? Что... что ты наделал!

Он швыряет в снег трубу, ухватился за ствол дерева, плечи его вздрагивают. Он плачет.

Саша открывает глаза:

— Крепость взяли?

— Есть, командир! Взяли! — подскакивает Вовка. — Остаются угли... дым... пепел...

Утро. На разрушенных зубьях крепости сидит ворона. Над башней торчит обломок древка от флага. Внутри крепости все разворочено и засыпано золой. Валяюся замок автопушки, сломанный прожектор, разбитый перископ.

Ворота крепости сорваны и прислонены к стене. На воротах простая тимуровская звезда с лучами. Задумчиво стоит перед ней Тимур.

Сзади подходит Женя Александрова. С сожалением смотрит она на Тимура и тихонько поет:

Гори, гори... моя звезда...

Тимур обернулся. Женя насвистывает тот же мотив, потом продолжает петь, показывая на звезду:

Лишь ты одна, моя заветная...

Другой не будет... никогда.

— Зачем ты нарочно сдал крепость?

— Не говори об этом Саше. Мне от этого все равно легче не будет.

— Я с ним незнакома. А с его сестрой мы в ссоре... Глупо! Ссора нелепая. Она дочь артиллериста, я дочь броневого командира, отцы оба на фронте. Ты меня с ней помири. Я знаю, что ты с ней дружишь.. Тимур, заходи сегодня ко мне вечером...

Она ушла. Тимур стоит. Ему тяжело, и он насвистывает:

Лишь ты одна, моя заветная.

Пара чьих-то глаз наблюдала за Тимуром и Женей через щель бойницы. Теперь из проломленных ворот медленно выходит Женя Максимова.

— Ты сдал крепость нарочно? Зачем ты это сделал? — говорит она.

— Твой брат был болен. Кроме того... Есть еще одна причина, но я тебе ее не скажу, Женя. Ты куда идешь?

— Я иду в тот двор. Ты не знаешь, кто живет в квартире номер двадцать четыре?

— Зачем тебе квартира двадцать четыре? — настораживается Тимур.

— Саша говорит, что там живет девочка, которая через окно видела, кто поднял письмо с фронта от папы.

— Он давно вам писал?

— А что?

— Так. У меня дядя тоже на фронте. Он редко пишет. Война — некогда.

— И нам редко... — Женя достает телеграмму. — Вот была последняя...

— Две недели. Это еще немного... Мой дядя и всего-то раз в месяц пишет... — врет Тимур.

Женя сует телеграмму за обшлаг рукава шубки. Она обрадована.

— Да? Значит, и тебе редко... Тимур, а все-таки зачем ты сдал Саше крепость?

Тимур подходит к ней вплотную, рука его трогает ее рукав:

— Так было надо. А может быть, и не надо. Нет, надо!

При слове «надо» Тимур тихонько выдергивает телеграмму из-за обшлага шубки Жени Максимовой.

На столе перед Тимуром лежат две телеграммы. На одной написано: «Ленинград, Красноармейская, 119. Максимовым. Пишите чаще, как здоровье Саши. Целую. Папа». На другой: «Ленинград, Пушкинская, 6, Тимуру Гараеву. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Целую. Дядя».

Тимур обмакивает кисточку в пузырек с клеем, наклеивает на первую телеграмму полоску от второй. Получается: «Ленинград, Красноармейская, 119. Максимовым. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Папа».

Затем он снимает со стены грубый брезентовый дождевик и охотничью сумку.

Через десять минут в квартиру Максимовых звонит очень странный почтальон. Он в брезентовом дождевике с накинутым на голову капюшоном, с охотничьей сумкой в руках. Щека завязана, как будто у него болят зубы. В руках разносная книжка.

Дверь приоткрывается на цепочке. Выглядывает нянька. Почтальон торопливо, чуть подавшись вбок, сует в отверстие телеграмму, карандаш с книжкой и хрипло говорит:

— Вот телеграмма. Распишитесь.

Нянька, расписавшись, сует ему обратно разносную книжку. Дверь захлопывается. Почтальон хочет уйти, но видит, что внизу по лестнице поднимается Женя. Испуганный почтальон взлетел этажом выше, прислонился к чужой двери и тяжело дышит.

Женя останавливается у своей двери, достает ключ. Вдруг за дверьми она слышит шум, топот и отчаянно торжествующие крики. Женя остолбенела. Торопливо сует она ключ в скважину. Рука ее дрожит. Женя исчезает за дверью. Крик и шум усиливаются.

На площадке у дверей, прислушиваясь к этому радостному шуму, стоит очень смешной почтальон — Тимур. На его глазах слезы.

На дверях напротив квартиры Максимовых висит табличка: «Красный уголок». Рядом плакат, изображающий елку и раненого красноармейца. Сверху на плакате надпись: «Слава героям!», снизу — «Добро пожаловать!»

Гремит веселая музыка. Дверь поминутно хлопает. Пробегают ребята в маскарадных

Испуганный почтальон взлетел этажом выше,

костюмах. Внутри дети поспешно развешивают по стене картины и гирлянды зелени. Две девочки подметают пол. Нина, со сбившейся прической, в рабочем халате, командует ребятами, украшающими елку. В углу репетирует джаз. Он состоит из пятнадцати малышей, которыми дирижирует Вовка. Внезапно музыка замолкает, слышен чей-то вопль.

— Дирижер Брыкин, что у вас в оркестре за драка? — спрашивает, подбегая, Нина.

— Большой барабан поспорил с бубном. Он говорит, что крепость вчера мы не взяли. Он врет!

На лестнице слышны крики:

— Идет, едут! Приехали!

— Приготовились! Вовка, греми! Звени! — командует Нина. — Чтобы все кружились, смеялись! Я сама с вами танцевать буду.

Оркестр грянул веселый марш.

— Но я еще не одета... Я лохматая, — спохватывается Нина и убегает.

Внизу у подъезда ребята подхватывают под руки приехавших на машинах раненых, помогают им подняться по лестнице. Некоторые раненые опираются на костыли.

Доктор Колокольчиков, стараясь освободиться от ребят, которые тащат его под руки, кричит:

— Молодые люди! Пойдите! Пощадите!
Я не раненый! Я сам доктор...

Вся лестница гудит от восторженных криков.

Саша Максимов у себя в комнате слышит эти крики и торопливо надевает валенки. Нянька накидывает ему на шею шарф. Саша ее отстраняет.

— Доктор сказал, чтобы ты оделся теплее, возле елки не прыгал и через лестничную площадку не бегал, — внушает ему нянька. — Ты меня должен слушаться, как маму.

Женя подбегает к зеркалу. На ней нарядное фантастическое платье.

— Но, няня, раньше ты говорила, что он маму совсем не слушал.

— Он был маленький и ничего не понимал. А теперь он вырос и все понимает.

— Ничего он и сейчас не понимает.

— Ты, сорока, все понимаешь.

— Да, понимаю... — сквозь зубы говорит Женя и потирает шею. — Вот синяк. Мне из крепости снарядом попало. Ну, хорошо, я за это Тимура сейчас отчитаю.

— Как сейчас? — опешил Саша. — И это после вчерашнего... он придет?

— Я его позвала.

— Да... Но я уверен, что над ним все смеяться будут...

— «Я уверен... я... я!» — вспыхивает Женя. — Подумаешь, герой, Чапаев... А хочешь ли ты знать, что крепость вы не взяли, что Тимур сам дал сигнал отбоя, что, жалея тебя, он открыл ворота?

Саша взволнованно кричит:

— Неправда!

— Правда! Да об этом сегодня во дворе говорят все твои же мальчишки.

Саша после короткого молчания сбрасывает с ног валенки и отрывисто говорит:

— Дай сапоги.

Женя недоуменно смотрит на него и подает сапоги. Саша сбрасывает с шеи шарф и так же коротко и резко говорит:

— Ремень дай... папин...

Подтянутый, туго подпоясанный, с перекинутым через плечо ремешком, Саша входит в красный уголок и отыскивает Тимура. Тимур сдержан, Саша взволнован.

— Кто тебя об этом просил? — говорит он. — Какое тебе до меня было дело?

— Я сделал только то, что и ты был обязан сделать для меня.

— Я?.. Для тебя?..

— Да, ты для меня. Если бы, — Тимур

запнулся, — у меня была беда и я был болен.

— Н-не знаю... — растерянно отвечает Саша.

— Не знаешь? — Тимур смотрит Саше в глаза и говорит очень твердо, как бы внушая: — Нет, знаешь! Ты сын командира, и ты своих жалеть должен.

Саша смущенно молчит. Тимур неожиданно рассмеялся. Сейчас у него очень простое, веселое лицо.

— Пойми, пусть это позже... но когда-нибудь воевать-то будем рядом.

Все это слышит Вовка. Он застыл, подняв свою дирижерскую палочку. Потом отчаянно взмахивает ею. И джаз ударяет песню «По военной дороге». Ее дружно, весело и грозно подхватывают и ребята и раненые.

Музыка доносится в квартиру Максимовых, где нарядная Нина торопливо причесывает волосы. Она смотрит на портрет Максимова, берет с подзеркальника телеграмму и прижимает ее к губам. Потом смотрит, и как будто змея ужалила ее в губы. Отскочила приклеенная полоска, и теперь виден прежний текст: «Пишите чаще, как здоровье Саши. Целую. Папа».

В полном смятении Нина комкает телеграмму.

Входит нянька. Нина, задыхаясь, говорит ей:

— Эта телеграмма поддельная. Что со Степаном? Вы меня обманываете?

— Как поддельная? — Нянька, как подкошенная, опускается в кресло. — Значит, Степан не пришел? Не вернулся?

— Откуда? Куда? Говорите прямо. Я не девчонка.

— Дочка, оставь меня, — говорит нянька, устало опускаясь в кресло. — Я сама ничего не знаю...

Вбегает Женя и, не замечая состояния няньки и Нины, быстро тараторит:

— Нина, ну конечно, без тебя не может жить Сашка. И я не могу тоже, Весело. Очень весело! — Она удивленно смотрит на Нину и няньку. — Вы поссорились? И это под Новый год? Такой вечер! Нина, иди, тебе танцевать надо...

— Уйди, Женя, я сейчас, я приду после...

— Хорошо, — небрежно говорит Женя, — тогда Саша сейчас сам прибежит за тобой, раздетый, через площадку.

— Кто через площадку? — рассеянно переспрашивает Нина, закрыв глаза, и, сразу опомнившись, вскакивает и бежит к двери. — Нельзя через площадку!..

На елке веселье в полном разгаре. Тимур и Саша сидят рядом.

— Мы вам крепость восстановим, отремонтируем и тогда начнем войну сначала, — говорит Саша.

— Нет. Возьмите эту крепость себе. Это хорошая, надежная крепость, и она вам послужит еще долго...

— А вы?.. Что же у вас тогда останется?

— А мы... Мы себе найдем. — Тимур поворачивается к Коле Колокольчикову и хлопает его по плечу: — Что, старая гвардия? Мы себе найдем еще дело?

Нина, не обращая ни на кого внимания, пробирается к Саше. Кругом раздаются голоса: «Тише, тише!» Саша порывисто тянет Нину за руку и усаживает ее с собой рядом.

На эстраду выходит раненый красноармеец с забинтованной рукой. Звучит гордая музыка, и раненый поет:

Под треск пулеметов, под грохот и гул

Вставала из снега пехота.

Но самую первой навстречу врагу

Поднялась четвертая рота.

Четвертая рота второго полка,

Фланговый участок бригады...

Огонь пулемета, удары штыка,
Снаряды... снаряды... снаряды...
На серых папахах сверкает звезда.
Приказ командира короток.
Железобетонный тяжелый блиндаж
Штурмует четвертая рота.
Вперед же, товарищ! Смотри, как в огне
За все... за любовь и заботу...
Свой долг отдавая любимой стране,
Поднялась четвертая рота...

— Если бы меня пустили... приняли... —
взволнованно шепчет Тимур Саша. — Я бы
пошел служить только в четвертую роту. И ты
тоже?

— Нет. Я бы в пятую.

— Почему?

— Наша пятая еще лучше вашей четвер-
той будет! — задорно отвечает Тимур.

Саша вспыхнул, он хочет что-то возра-
зить, но тут глаза его широко раскрываются.
У дверей в дымчатом платье со звездами, в
белокурых локонах, стянутых обручем, от ко-
торого расходятся мерцающие лучи, стоит
Женя Александрова.

Саша хватается Нину за руку:

— Это она! «Голубая звезда»! Пойдем,
спросим про письмо.

К Жене Александровой быстро подходит
Женя Максимова. Они внимательно огляды-

вают одна другую и вдруг разом улыбаются и берутся за руки.

— Скажи, кто тогда со снега мое письмо поднял? — спрашивает Саша.

— Кто? — Женя Александрова улыбается и поворачивается к Коле Колокольчикову, но лицо у того смущенное, а Тимур строго смотрит на Женю, и в его глазах приказ: «Не говори». И, глядя в упор на оробевшего Колю, Женя отвечает:

— Я того человека не знаю.

— Гей-ля-ля! — увидав Колю Колокольчикова, торжествуя кричит Вовка. — А все-таки дохлую кошку вам в крепость бросил я!

Он взмахивает палочкой, и джаз в бешеном темпе играет веселый танец.

Растерянная, подавленная Нина отходит к окну. Опирается о широкий, заваленный игрушками подоконник и отворачивается, чтобы никто из гостей не увидел ее слез.

Сверкает огнями елка. Мчатся танцующие пары, мелькают маски.

В сторонке, дружно разговаривая, стоят Саша, Тимур, Женя Александрова и Женя Максимова. К ним вдруг подбегает запыхавшаяся Катя.

— Стойте! Радуйтесь! — кричит она. — Вы сейчас увидите...

И в ту же минуту в дверях появляется нянька. А за ней, опираясь на палку, входит военный — шофер. Коля Башмаков. Нина смотрит на него почти с ужасом.

— Не бойтесь! Капитан жив, — говорит Коля, — и даже не ранен... Его в лесу нашла наша разведка. — Он протягивает оцепеневшей Нине письмо и добавляет: — Письмо запоздало, но вы ему будете очень рады...

Как замороженная, берет Нина конверт. На нем адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119. Максимовым. Для моей жены Нины». В конверте развернутая телеграмма: «Саша волнуется, почему не пишешь, все целуем. Жена Нина».

— Это ошибка, надо: Женя, Нина... — растерянно говорит Нина.

— Все правильно, — отвечает Коля. — Ваша телеграмма летала по телефону с батареи на батарею... Но капитан сказал, что ошибки нет и текст передан совершенно точно.

Коля Башмаков и Саша отходят к окну. Там, на подоконнике, среди игрушек, приготовленных для подарков, выстроились оловянные солдатики.

Башмаков достает из кармана солдатика и ставит его на подоконник перед строем,

— Не бойтесь! Капитан жив, — говорит Коля.

Солдатик поцарапан, помят, но глядит весело.

Саша быстро выдвигает знаменосца, двух солдат с шашками на-караул и командира, отдающего вернувшемуся солдату честь.

Коля Башмаков смотрит на висящую на стене картину Нины.

— Что? Не та дорога? — смущенно спрашивает Нина.

— Прямо скажу, не обижайтесь: дорога не та. Круче повороты. Тверже люди. — Коля кладет руку на плечо раненому, который пел песню четвертой роты, и показывает на картину: — Не знаю, что они там поют, но, наверное, эта мелодия для боя совсем неподходящая. Так ли я говорю, мой неизвестный товарищ?

— Я знаю сама... Я нарисую другую...

— Хотите, я вам дам идею? — улыбается Женя Александрова. — Нарисуйте вот их, — она показывает на Сашу, Колю, Юрку, Тимура, — у них каждый день мелодия самая боевая!

Вовка подбегает и быстро просовывает свою голову между Сашей и Колей.

— Да, но только не рисуй, пожалуйста, этого кошкометателя и пролазу Вовку, — поспешно добавляет Женя Максимова.

Тимур кладет Вовке на плечо руку:

— Почему? Ты погоди. Он будет славным гранатометчиком.

— Ну, если... так говорит бывший комендант самой лучшей снежной крепости, — разводит руками Женя Александрова, — то это будет совершенно точно.

. . . . .

Сверкает елка. Звенит веселая музыка. Кружатся вокруг елки в танце дети.

И вот через эту блестящую елку под нарастающий гул проступает другая, большая черная ель на снежной поляне. На нижних ветках ее висят два котелка, три винтовки, белый халат, сигнальный флаг.

Чуть правее ели стоит батарея.

Командир поднимает руку — раздается залп.

Командир смотрит в бинокль и видит, как из снега встала и пошла пехота. Идет твердым шагом. Он снова поднимает руку — могучий залп. Командир быстро поворачивается. У него простое, энергичное, чуть усталое лицо. Сдернув перчатку, он вытирает обратной стороной ладони влажный лоб.

Это капитан Максимов.

Последний раз перед зрителем возникает стройная снежная крепость. Над крепостью развевается флаг нового гарнизона.

Войско Саши у стен крепости прощается и с почетом провожает куда-то уходящее на лыжах войско бывшего коменданта Тимура.

Цена 3 руб.

